

Возможность увидеть невидимое

Она была у всех, кто побывал на дне рождения
Андрея Тарковского в «Доме Нащокина»

*«Как жемчуг вздох ноздрей
и утомительное Чудо.*

*Он был подобен отшельнику
глубоководных синих волн океана,
стоящий на маленьком
деревянном ларце.*

*Гордые мысли горели. Застона-
ло Небо, задвигались, засветились
звезды, засверкала шкатулка зер-
кального веера и белого камыша».*

Звучащий с магнитофонной пленки глуховатый голос Гаянэ Хачатурян наполнял цветное пространство, дышащее между ее картин, радугой воспоминаний об Андрее Тарковском. Фейерверк слов был медлителен, как в замедленной съемке, словно образы рождались у нас на глазах, распускались чудным цветом только для того, чтобы истаять в прозрачных апрельских сумерках. Гаянэ приветствовала гостей, приглашенных к ней на день рождения Андрея Тарковского. И то, что ее никто не увидел в момент речи, казалось, означало не ее отсутствие, но лишь — несовершенство нашего зрения, неспособного преодолевать кривизну земных расстояний. Она ввела гостей в свой мир, наполненный ее образами и ее голосом, — что могло добавить воображению ее появление?

В ее мире прозрачны границы не только между новой Москвой и старым Тифлисом, но и между веществом и энергией. Он наполнен «шорохами черной сливы» и «визуальными играми шороха, шума и смеха». Здесь живут «Зеркальные цветочницы» с лицами, словно проступающими с японских гравюр, а Елена Ахвледiani и Сергей Параджанов увидены из обратной перспективы иконы. Здесь невидимое важнее видимого. Непрозрачная граница смерти не означает отсутствия. И то, что Андрея Тарковского, как и хозяйку вечера Гаянэ, гости не увидели, в тот вечер выглядело даже не случайным недоразумением, но

спасительным эффектом зеркала, хранящим нас от непосильного знания.

Впрочем, зеркальная поверхность в тот вечер запотевала, начиная вдруг отражать минувшее, когда Алла Демидова прочитала стихотворение «Вот и лето прошло...» с точной авторской интонацией Арсения Тарковского... Когда Сергей Соловьев вспомнил рассказ оператора Георгия Рерберга, как они с Андреем Тарковским искали «жареных бабочек» для одного-единственного кадра в «Зеркале», который потом им не пригодился... Когда Александр Мишарин наотрез отказался рассказать, какие эпизоды писал для «Зеркала» Тарковский, а какие он сам: «Мы дали друг другу слово, что никому этого не скажем»... Когда Маргарита Терехова объясняла, что такое «дуэндэ» Гарсиа Лорки и как оно объясняет Тарковского... Когда Андрей Битов прочел свои стихи, посвященные Андрею Тарковскому, — закрыв глаза, чтобы лучше видеть того, с кем «не додружили»...

Тарковского нам еще предстоит, видимо, увидеть, чтобы узнать наконец получше. Об этом точно сказал мудрый питерец Битов. «Советская идеология всегда боролась с формой. И Андрея критиковали, били за форму. Но форма защищала содержание. До сих пор содержание его фильмов не воспринято. В те времена оно казалось преступным, чтобы о нем можно было говорить. А в нынешние времена оно кажется лишь новациями формы. Фильмы Тарковского еще не увидены по-настоящему».

Остается учиться видеть невидимое. У них, кому этот странный дар положен в колыбель, — у Гаянэ из Тифлиса и Сергея Параджанова, у Андрея Тарковского и его отца, у Елены Ахвледiani и Андрея Битова.

Жанна ВАСИЛЬЕВА

